

И. С. Тургенев

Холостяк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
Т87

Т87 **Тургенев И.С.**
Холостяк / И. С. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 57 с.

ISBN 978-5-4241-2900-1

Одна из ранних пьес И.С. Тургенева - комедия «Холостяк», созданная писателем в 1849 году.

ISBN 978-5-4241-2900-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Тургенев Иван
Холостяк

Иван Сергеевич Тургенев

Холостяк

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михаил Иванович Мошкин, коллежский ассессор, 50 лет. Живой, хлопотливый, добродушный старик. Доверчив и привязчив. Сангвинического темперамента.

Петр Ильич Вилицкий, коллежский секретарь, 23 лет. Нерешительный, слабый, самолюбивый человек.

Родион Карлович Фон Фонк, титулярный советник, 29 лет. Холодное, сухое существо. Ограничен, наклонен к педантизму. Соблюдает всевозможные приличия. Человек, как говорится, с характером. Он, как многие обрусевшие немцы, слишком чисто и правильно выговаривает каждое слово.

Филипп Егорович Шпундик, помещик, 45 лет. С претензиями на образованность.

Марья Васильевна Белова, сирота, проживающая у Молкина, 19 лет. Простая русская девушка.

Екатерина Савишна Пряжкина, тетка Марьи Васильевны, 48 лет. Болтливая, слезливая кумушка. В сущности, эгоистка. Страшная.

Алкивиад Мартынович Созоменос, приятель Фонки, 35 лет. Грек, с крупными чертами лица и низким лбом.

Маланья, кухарка Мошкина, 40 лет. Тупоумная чухонка.

Стратилат, мальчик в услужении у Мошкина, 16 лет. Вообще глупый, но еще более поглупевший от роста.

Митька, слуга Вилицкого, 25 лет. Бойкий слуга, доразвившийся в Петербурге.

Почтальон.

Действие происходит в Петербурге. 1-е и 3-е действия на квартире Мошкина, 2-е на квартире Вилицкого, между 1-м и 2-м действиями пять дней; между 2-м и 3-м - неделя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет гостиную не богатого, но и не бедного чиновника. Направо два окна; между окнами зеркало; столик перед зеркалом. Прямо дверь в переднюю, налево дверь в другую комнату. Спереди тоже налево диван, круглый стол и несколько кресел; угол направо отгорожен зелеными ширмами. На диване лежит Стратилат. Стенные часы бьют

два часа.

Стратилат. Раз... два... Два часа. Что это барин нейдет? (Молчит.) Я, кажется, соснул маленько. (Опять молчит.) А мне, никак, опять есть хочется. (Посвистывает, берет со стола и разворачивает книгу.) Эка, подумаешь, слов-то, слов-то! Ну, ка это... да длинное же оно какое! (Начинает разбирать по складам.) Покой, арцы, он - про; слово, ве-ди, ять - све - просве; ща, есть, наш - щен - просве... просве... просвещен; наш, ять - иже с краткой ней - просве... просвещенней; ша, иже - ши - про... све... щеннейши; мыслете, иже.

В передней раздается звонок. Стратилат поднимается, но не выпускает книги из рук.

Мыслете, иже - ми - просве... просвещенней...

Опять звонок.

Тьфу ты, черт! Вот тут и выучись читать! (Бросает книгу на стол и бежит отворять.)

М о ш к и н (входит. У него под мышкой голова сахару; в одной руке бутылка, в другой дамский картон). Спал небойсь!

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. Да... можно тебе поверить. (Указывая ему шеей и плечом на сахарную голову.) На, возьми. Отнеси Маланье.

Стратилат достает голову. Мошкин идет на авансцену. Стратилат хочет идти.

Марья Васильевна дома?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. Куда она пошла, не знаешь? (Ставит картон и бутылку на стол и вынимает из заднего кармана пакет.)

Стратилат. Не зеаю-с. Тетушка за ней заходили-с.

Мошкин. Давно?

Стратилат. С час будет-с.

Мошкин. А Петр Ильич без меня не был?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин (помолчав немного). Ну, ступай. Да, позови, кстати, Маланью.

Стратилат. Слушаю-с. (Уходит.)

Мошкин (ощупываясь). Кажется, ничего не забыл. Все, кажется, купил. Все. Точно. (Вынимая из кармана завернутую стеклянку.) Вот и одеколон. (Кладет стеклянку на стол.) Который-то час? (Глядит на часы.) Третий в начале. Что ж это Петруша нейдет? (Опять глядит на часы.) В начале третий. (Опуская руку в боковой карман.) Вот и деньги его готовы. (Ходит по комнате.) Захлопотался я совсем. Ну, да и случай-то ведь какой!

Входят Маланья и Стратилат. Мошкин живо обращается к ним.

Ведь сегодня пятница?

Стратилат. Пятница-с.

Мошкин. Ну, конечно. (Маланье.) Что ж обед - будет?

Маланья. Будет-с. Как же-с!

Мошкин. И хороший обед?

Маланья. Хороший. Как же-с!

Мошкин. Смотри, матушка, не опоздай. Все у тебя есть?

Маланья. Как же-с! Все-с.

Мошкин. Ничего тебе не нужно?

Маланья. Ничего-с. К буденику мадеры пожалуйста.

Мошкин (подавая ей со стола бутылку). На, на, на тебе мадеру. Ну, смотри же, Маланья, отличись. У нас сегодня гости обедают.

Маланья. Слушаю-с.

Мошкин. Ну, я тебя не держу; ступай с богом.

Маланья уходит.

Стратилат! Новый фрак мне приготовь и галстук с бантом - слышишь?

Стратилат тоже уходит, Мошкин останавливается.

Да что это я бегаю, словно угорелый? (Садится и утирает лицо платком.) Устал я, нечего сказать!..

Раздается звонок.

Кто бы это? Должно быть, Петруша. (Прислушивается.) Нет, не его голос.

Стратилат (входит). Какой-то господии - вас желают видеть-с.

Мошкин (торопливо). Какой господин?

Стратилат. Не знаю-с. Незнакомый-с.

Мошки н. Незнакомый? Да ты бы спросил у него, кто он такой?

Стратилат. Я и то у них спрашивал-с. Они говорят, что вас самих желают видеть-с.

Мошкин. Странно! Ну, проси.

Стратилат выходит. Мошкин с волнением смотрит на дверь. Входит Ш п у н
ь д и к. На нем длинный гороховый сюртук.

Шпуньдик (подходя к Мошкину). Вы меня не узнаете?

Мошкин. Я? Я, признаюсь, кажется... не имею чести...

Шпуньдик (с дружелюбным упреком). Миша, Миша! старых приятелей так-
то ты забываешь...

Мошкин (вглядываясь). Неужели?... да нет... точно... Филипп?

Шпуньдик раскрывает объятия. Шпуньдик!

Шпуньдик. Я, Миша, я...

Бросаются друг другу на шею.

Мошкин (прерывающимся голосом). Друг... какими судьбами... давно ли?
Садись. Вот не ожидал... вот случай...

Они опять обнимаются. Садись, садись.

Оба садятся и глядят друг на друга.

Шпуньдик. Эге-ге, брат, как мы с тобой постарели!

Мошкин. Да, брат, да. Постарели, брат, постарели. Да ведь легкое ли дело?
Что ж, чай, лет двадцать не видались?

Шпуньдик. Да, двадцать лет будет. Как время-то проходит! Миша, а? Пом-
нишь...

Мошкин (перебивая его). Я, брат, гляжу на тебя и просто глазам не верю.
Шпуньдик, Филипп, у меня в Питере - а? Добро пожаловать, дружище! Как ты
меня сыскал?

Шпуньдик. Бона! Чиновника разве мудрено сыскать? Я знал, в каком ты ми-
нистерстве служишь. Кучин, Ардалион, прошлым летом ко мне в деревню заез-
жал... Ведь ты Ардашу Кучина помнишь?

Мошкин. Какой это Кучин? Ах, да это не тот ли, что на дочери купца Карава-
ева женился - и приданого, помнится, не получил?

Шпуньдик. Тот, тот самый.

Мошкин. Помню, помню. А он еще жив?

Шпуньдик. Жив, как же! Ну, вот от него-то я и узнал, где ты служишь... Да!
Лупинус велел тебе кланяться.

Мошкин. Иван Афанасьич?

Шпуньдик. Какое Иван Афанасьич! Ивана Афанасьича давно на свете нет;
сын его, Василий... помнишь, он еще хромым?

Мошкин. Ах, да, да.

Шпуньдик. Ну, вот он. Он у нас судьей теперь.

Мошки в (качая головой). Скажи пожалуйста! Время-то, время - а? Да, кстати,
Бундюков жив?

Шпундик. Жив. Что ему делается? Он в прошлом году старшую дочь за немца-землемера выдал. Как же, как же! Бундюков тебе тоже кланяться велел. Мы все о тебе часто вспоминаем, Миша!

Мошкин. Спасибо, Филипп, спасибо. Да не хочется ли тебе чего-нибудь? Водки, что ли, закусить... Пожалуйста. Трубки не прикажешь ли? Ведь мы с тобой по-старому? (Треплет его по ляжке и отнимает у него картуз.)

Шпундик. Благодарствуй, Миша. Я не курю.

Мошкин. А закусить?

Шпундик. Нет, благодарствуй.

Мошкин. Чай, устал с дороги?

Шпундик. Ну, не могу сказать; почитай, с самой Москвы все спал.

Мошкин. Ведь ты у меня обедаешь?

Шпундик. Изволь.

Мошкин. Ну, вот умница. Так-то, дружище, так-то} Не ожидал, признаюсь, не ожидал. Кстати, ты женат?

Шпундик (со вздохом). Женат. А ты?

Мошкин. Нет, я, брат, того... я не женат. И дети есть?

Шпундик. Как не быть! Пять человек. По их милости я вот и сюда притащился. _Мошкин. А что?

Шпундик. Да нельзя же, брат. Ведь надобно ж их куда-нибудь поместить.

Мошкин. Разумеется, разумеется... А где ты остано-вился?

Шпундик. Представь, близехонько. Трактир "Европу" знаешь?... вот за Сенной. Тоже по рекомендации Кучина. Ну, брат, Петербург, скажу, город! Я еще только на Дворцовую площадь успел сходить. Признаюсь... Исакий-то, Исакий-то один чего стоит? Ну, вот и тротуары... достойны удивленья.

Мошкин. Да, да... у тебя еще глаза разбегутся, погоди... А что, Филипп, помнишь, у нас там соседка была...

Шпундик. Татьяна Подольская небойсь?

Мошкин. Да, да, она, она.

Шпундик. Приказала долго жить, Миша... вот уж девятый год.

Мошкин (помолчав немного). Царство ей небесное! Ну, а что, дела твои как идут?

Шпундик. Помаленьку, брат, слава богу; я не жалею. А твои как? С тех пор как ты от нас переселился, чай, в большие чины попасть успел?

Мошкин. Нет, брат, куда нам! Какие тут большие чины! Тоже помаленьку.

Шпундик. Однако ж крестик-то есть?

Мошкин. Ну, крестик-то есть... (Взглядывает на дверь.)

Шпундик. Ты словно ждешь кого-то?

Мошкин. Да, жду. (Потирая руки.) Я, брат, в больших хлопотах теперь.

Шпундик. А что?

Мошкин. Угадай.

Шпундик. Да где же мне...

Мошкин. Нет, угадай, угадай.

Шпундик (глядя ему прямо в глаза). Да ты... послушай, ты уж не женишься ли хочешь? Не женись, Миша, я тебе говорю!

Мошкин (смеясь). Не беспокойся, брат... В мои-то лета! А только ты угадал - у меня и то в доме свадьба.

Шпундик (указывая на стол). То-то я гляжу... Что за покупки такие? Кто ж это у тебя женится?

Мошкин. А вот погоди, я тебе - не теперь, теперь недосуг... а эдак вечерком, что ли, многое кое-что порасскажу. Ты удивишься, братец. Впрочем, в коротких словах можно, пожалуй, и теперь. Вот видишь ли, Филипп, вот это у меня гостиная, а я вот сам тут сплю... (Указывая на ширмы.) В других-то комнатах у меня воспитанница живет, сирота круглая. Ее-то вот я замуж и выдаю.

Шпундик. Воспитанница?

Мошкин. Да; то есть она, впрочем, девица благородная, титулярного советника Белова дочь; с покойницей ее матушкой я незадолго до смерти познакомился - и странный такой случай вышел. Удивительно, право, как это иногда бывает... точно, должно сознаться, судьбы неисповедимы! Надобно тебе сказать, Филипп, что я на этой квартире всего третий год живу; а Машина-то матушка с самой смерти мужа своего две маленькие комнаты здесь в четвертом этаже занимала; а умер он таки давненько. (Со вздохом.) Говорят, перед смертью ноги себе отморозил - посуды, каков удар? Старушка жила в крайней бедности; пенсия небольшая, кой-кто благодетель - плохие, знаешь, доходы. Вот я, брат, иду раз к себе по лестнице - а дело было зимой - дворник наплескал воды, да и не подтер, вода-то на ступеньках замерзла... (Вынимая табакерку.) Ты табак нюхаешь? Шпундик. Нет, спасибо.

Мошкин (сильно понюхав табаку). Вот иду я... Вдруг мне навстречу старушка, Машина-то мать; я с ней тогда еще знаком не был. Посторониться, что ли, она захотела, или уж такая задача вышла, только вдруг она как поскользнулась, да навзничь, да и переломила себе ногу... Под себя, знаешь, эдак. (Встает, показывает Шпундику, как и опять садится.) Посуди, брат, в ее лета, каково положение? Я, разумеется, тотчас ее поднял, позвал людей, снес ее в комнату, уложил, побежал за костоправом... Намучилась она, бедняжка - а уж дочь-то, господи боже мой! Вот с тех пор я и начал к ним ходить, да каждый день, каждый день... Полюбил их, ты не поверишь, - словно родных. Целые шесть месяцев вылежала старушка; ну наконец выздоровела, стала на ноги; да вдруг нелегкая ее дерни сходить в баню: опрятность, вишь, одолела; сходила, простудилась, похворала дня четыре, да богу душу и отдала. Похоронили мы ее на последние денежки... (Складывает руки крестом.) Ну, теперь посуды сам, Филипп, каково было положение дочери - а? Нет, скажи, а? Родных - никого. То есть, признаться сказать, есть у нее одна родственница, вдова, Пряжкина Екатерина - по отце тетка ей доводится; да у Пряжкиной у самой гроша нет за душой медного. Правда, в Конотопском уезде жил тогда, да и теперь, чай, не издох, матери ее двоюродный брат, Грач-Пехтеря, помещик, говорят, с достатком человек; я ему тотчас же после смерти старухи Беловой и написал, что, дескать, вот как, вот как; помогите, дескать, войдите; а он мне в ответ: "Всех-де нищих не накормишь; коли вас, мол, так сострадание разобрало, так возьмите ее к себе, а мне не до того". Что ж? Я-то ее и взял к себе. Она сперва долго не соглашалась... да я настоял. Что, я говорю, помилуйте? Что вы? Я старый человек, бездетный; я вас как родную дочь люблю. Куда же вы денетесь, помилуйте? не на улицу же вам идти. Притом же и покойница на смертном одре мне ее поручала... Ну, вот она и согласилась. Вот и живет она с тех пор у меня. А уж что за девушка, Филипп, кабы ты знал! Да ты ее увидишь... Вот посмотри, ты ее с первого взгляда полюбишь...

Шпундик. Верю тебе, Миша, верю... А за кого же ты ее замуж выдаешь?

Мошкин. А тоже за хорошего человека; за отличного молодого человека. И все это устроил твой покорный слуга. Я, брат, должен про себя сказать: я на судьбу жаловаться не могу; я счастлив, ей-богу, счастлив... не по заслугам.

Шпундик. А как его зовут, можно спросить?

Мошкин. Отчего же? конечно, можно. Дело совсем слажено; недели через две, бог даст, и свадьба. Вилицкий, Петр Ильич. Его Вилицким зовут. Он со мной в одном министерстве служит. Прекрасный молодой человек. В двадцать три года коллежский секретарь, на днях титулярный, и на виду.

Он далеко пойдет. Не богат он, точно, да что за беда! Малый с головой, работающий, скромный... Знакомства хорошие имеет. Он сегодня у меня обедает; впрочем, он почти каждый день у меня обедает, - только сегодня он хотел с собой привести одного своего приятеля, молодого тоже человека, но, знаешь, эдакого... (Делает значительные движения.) Состоит при самой особе министра... ну, понимаешь...

Шпундик. Э, э? (Взглянув на себя.) Как же, брат? мне нельзя же так остаться... Позволь, я схожу фрак надену.

Мошкин. Вот вздор какой!

Шпундик (вставая). Ну нет, Миша... на этот счет позволь уж мне... того... распорядиться. Эдак гость твой, пожалуй, подумает бог знает что; это что, скажет, за степная ворона такая?.. Нет, я, брат... я ведь тоже с амбицией, воля твоя.

Мошкин (вставая тоже). Ну, как хочешь... только, смотри, не опоздай.

Шпундик. Духом сбегаю. (Берет картуз.) Так вот, брат, ты с какими людьми водишься... (Пожимая ему руку.) А я на тебя, Миша, надеюсь... насчет сынишки, знаешь... да и, кроме того, жена моя мне столько комиссий надавала, что беда! Одной помады на десять рублей заказала, и все первого сорта, косметик-бергамот. Помоги, брат; ты, я вижу (указывая на покупки), на все мастер.

Мошкин. С моим удовольствием, душа моя. И сам похлопочу и Петю попрошу. Он у меня такой услужливый; гордости, знаешь, ни малейшей. Только он все как будто хворает с некоторых пор, словно не в духе.

Шпундик. Перед свадьбой-то?

Мошкин. Да и мне что-то нездоровится. Впрочем, это пустяки. Захлопотались мы с ним - вот и все тут. А я все-таки к твоим услугам. Сделай одолжение, брат, без церемоний.

Шпундик (жмет ему руку). Спасибо. Ты, я вижу, не переменялся.

Мошкин. Надеюсь. (Тоже жмет ему руку.) А ведь вот и с Петрушей тоже удивительно как я сошелся!

Шпундик (который собирался идти). А что?

Мошкин. Ну, это я тебе после расскажу. Вообрази себе, ведь и он сирота. Родителей лишился в детстве, дядя-опекун в Петербург его привез, на службу его поместил, и странное такое при этом вышло обстоятельство... Впрочем, я это тебе все после расскажу, а только он полный курс наук в гимназии окончил, именье, впрочем, все потерял; к счастью, я тут подвернулся... Однако я тебя не удерживаю... скоро три часа...

Шпундик. А обед в котором часу?

Мошкин. В четыре, брат, в четыре...

Шпундик. Ну, так я еще успею... В передней раздается звонок.

Уж это не гости ли?

Мошкин (прислушиваясь). Может быть... Да что ж это Маша нейдет?

Шпундик (в волнении, оглядываясь). Как же, брат, это... нельзя ли... того... как-нибудь...

Входит Маша с Пряжкиной, в салопах. Они их не снимают, Мошкин (увидя их). А! легка на помине!.. Где это вы пропадали?

Пряжкина. Да, батюшка, покупки, покупки все...

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. (Маше.) Маша, рекомендую тебе старого моего приятеля и соседа, Филиппа Егорыча Шпундика.

Шпундик кланяется; Маша приседает; Пряжкина глядит на Шпундика во все глаза.

Он вот только сегодня из деревни приехал, с родины мне весточку привез. Прошу любить и жаловать.

Шпундик (Маше). Вы извините меня, сударыня, если я... в таком, так сказать, дорожном нигляже... Я не мог знать... (Шаркает.)

Мошкин. Вот вздумал извиняться! Экой политичный! (Маше.) А ты сегодня что-то бледна, Маша? или ты устала?

Маша (слабым голосом). Устала.

Мошкин (Пряжкиной). Уж вы слишком много с ней бегаєте, Катерина Савишна; право, вы ее замучите... Ну, однако, ступайте... Четвертый час, а вы еще не одеты. Что наш новый гость подумает? А он того и гляди нагрянет... Ступайте.

Пряжкина. Мы не опоздаем, не бойтесь...

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. Да вот возьмите шляпку, одеколон тоже, и прочее тут все...

Отдает ей покупки. Маша и Пряжкина уходят в дверь налгво. Мошкин обращается к Шпундику.

Ну что, Филипп, как тебе моя Маша нравится?

Шпундик. Очень, брат, она мне нравится... Очень, очень.

Мошкин. Ну, я знал... Однако ступай, коли уж тебе так надобно.

Шпундик. Как же, брат, нельзя... Мне и так перед дамами смерть было известно... Впрочем, я сейчас явлюсь. (Уходит в переднюю.)

Мошкин (кричит ему вслед). Смотри же не замешкайся! (Ходит по комнате.) Экой денек! А я рад Шпундику... Он

хороший человек. (Останавливается.) Что бишь?.. Да; отчего это Маша бледна сегодня? Ну, впрочем, это понятно... Однако что ж я не одеваюсь? Стратилат! А Стратилат!

Стратилат входит. Фрак подай и другой галстук.

Снимает сюртук и шейный платок. Стратилат идет за ширмы, выносит оттуда фрак и другой галстук. Мошкин глядится в зеркало.

Что это у меня лицо словно измято? (Проводит щеткой по голове, начиная с затылка.) Отчего это Петруша не заходил сегодня? Дай галстук. (С помощью Стратилата надевает галстук.) Точно, Петра Ильича сегодня не было?

Стратилат. Никак нет-с. Я уж вам докладывал-с.

Мошкин (с неудовольствием). Я знаю, что ты мне докладывал... Удивительно! Уж он, полно, здоров ли?

Стратилат. Не могу знать-с.

Мошкин (плюет). Тьфу, какой ты! Я не с тобой говорю.

Маланья (вдруг входя из передней). Михаиле Иваныч!

Мошкин (круто оборачиваясь к ней). Чего тебе?

Маланья. Денег на корицу пожалуйста.

Мошкин. На корицу? (Хватаясь за голову.) Да ты меня погубить собираешься, я вижу! Как же ты мне сказывала, что у тебя все, что нужно? (Роется в жилете.) На тебе четвертак. Только смотри, если обед не будет готов через (смотрит на часы)... через четверть часа... я тебя... ты у меня... Ну, ступай же, ступай. Чего ты ждешь?

Стратилат (вполголоса уходящей Маланье). Ай да куфарка!

Маланья. Ну, ну, фуфыря!

Мошкин. Поди сюда, ты, зубоскал, подай мне фрак.

Надевает фрак; Стратилат обдергивает его сзади.

Ну, хорошо, ступай. Да лампы что ж ты не зажигаешь? Вишь, смеркается.

Стратилат выходит в переднюю.

Что за притча? Не много я, кажется, сегодня ходил... во всяком случае, не больше вчерашнего, а ноги у меня так и подкашиваются. (Садится и глядит на часы.) Четверть четвертого... Что ж это они нейдут? (Оглядывается.) Кажется, все в порядке.

Встает и сметает платком пыль со стола. Звонки.

А! наконец!

Стратилат (входит и докладывает). Петр Ильич Вилицкий и господин Фон (заикается)... Фон Фокин.

Мошкин (шепотом Стратилату). Что это? он велел та" докладывать?

Стратилат (тоже шепотом). Оне-с.

Мошкин (шепотом). А, а! (Громко.) Проси, проси.

Стратилат выходит. Входят Вилицкий и Фонк во фраках.

Вилицкий бледен и как будто смущен; Фонк держит себя необыкновенно важно, строго и чинно.

Вилицкий (Мошкину). Михаиле Иваныч, позвольте вам представить моего приятеля, Родиона Карлыча Фон Фонка.

Фонк чопорно кланяется.

Мошкин (не без смущения). Мне чрезвычайно приятно и лестно... Я столько слышал о ваших отличных качествах... Я очень благодарен Петру Ильичу...

Фонк. Я также с своей стороны весьма рад. (Кланяется.)

Мошкин. О, помилуйте-с!..

Небольшое молчание.

Покорнейше прошу присесть...

Все садятся. Опять воцаряется молчание. Фонк с достоинством оглядывает всю комнату. Мошкин, откашлявшись.

Какая сегодня, можно сказать, приятнейшая погода! Холодно немножко, а впрочем, очень приятно.

Фонк. Да; сегодня холодно.

Мошкин. Та-ак-с. (Вилицкому чрезвычайно мягким голосом.) Что это тебя сегодня не было, Петруша? Здоров ты?

Фонк делает едва заметное движение бровями при слове "тебя".

Вилицкий. Слава богу. А что Марья Васильевна?

Мошкин. Маша здорова... Гм. (Фонку.) Изволили сегодня гулять-с?